

УДК 140.8

А. А. ГИРУЦКИЙ

ФИЛОСОФИЯ ИМЕНИ В ТРАКТОВКЕ С. Н. БУЛГАКОВА

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка

(Поступила в редакцию 20.02.2014)

Размышления об именах во все времена служили предметом жарких споров, а зачастую и основанием глубоких философских теорий. Достаточно вспомнить дискуссии крупнейших философов античности о природе названий и сформулированные ими две крупнейшие теории именования – теории фюзей и тезей. Идеи античной теории именования получают, как известно, свое развитие в эпоху средневековья в течениях реализма, номинализма и концептуализма.

Сам факт выдвижения имени в основу философских теорий не является чем-то специфическим для античности или средневековья. Последующая философская мысль также не обходила вниманием эту проблему.

В философии XX века тема имени (шире – языка), его сущности, его соотношения с вещью в том или ином виде представлена у Э. Гуссерля, Э. Кассирера, Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, Г. Гадамера, К. Ясперса и других зарубежных ученых. Отличительной особенностью концепции языка С. Н. Булгакова является то, что язык перемещается им из конвенциональной сферы в сферу бытийную, энергетическую. Основой такого подхода к языку послужила религиозно-философская традиция православного энергетизма. Доктрина энергетизма в православии связана с имяславским движением в нем. Оно возникло в начале XX века на Афоне, а возглавлял имяславцев иеромонах Антоний. Имяславие учило, что имя Бога нужно относить как к сущности Бога, так и его энергиям. Имяславская позиция выражается формулой: «Имя Божие есть Сам Бог».

Философия имени С. Н. Булгакова базируется на спорах об имяславии, которые послужили для него одним из источников в изложении своих взглядов на философию слова. Сама же философия слова для мыслителя имеет целью «привести к правильной и отчетливой постановке великого и страшного вопроса, с неодолимой силой выдвинувшегося в православном богословствовании: об Имени Божиим, Его священной тайне». Вопрос этот С. Н. Булгаков разделяет на две части: 1) имя Божие есть имя, которому свойственны все общие признаки имени; 2) имени Бога присущи единственные и исключительные черты, которые связаны с его богоносностью [1, с. 146].

В работе «Философия имени» С. Н. Булгаков начинает рассмотрение этого вопроса с первой части – с построения философской теории слова, чтобы затем применить ее к имени Бога. Эта часть вопроса являлась для него важнейшей, она подспудно стояла и за особенностями булгаковской концепции слова вообще.

«Что такое слово?» – задается вопросом, имеющим вековую историю, С. Н. Булгаков. Для него этот вопрос не вмещается в науку о словах как таковую. Лингвистика изучает только конкретные, облеченные в плоть и кровь слова, в связи со всем богатейшим содержанием слова в сравнительно узких пределах науки о языке. Вопросы, связанные с онтологической сущностью слова, остаются при этом вне рассмотрения. Здесь же нужна «интуиция слова, узрение его в непосредственном бытии, в его идее». Необходимо выделить и установить то, что «о нем само собой разумеется, составляет его аксиому». Такой аксиомой для С. Н. Булгакова является мысль, которую он варьирует, сохраняя ее суть, что слово принадлежит сразу двум мирам – космосу и человеку [1, с. 13–14].

Слово – это «самосвидетельство космоса в нашем духе, его звучание», афористично утверждает философ. «Слово космично в своем естестве», поскольку принадлежит «не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию», развивает свою мысль С. Н. Булгаков. Человек является мировой ареной, микрокосмом, в нем и через него звучит мир, поэтому «слово антропокосмично». Язык для того и дан человеку, что в нем и через него говорит вся вселенная, «он есть логос вселенной». Поэтому всякое слово – это не только слово данного субъекта о чем-то, но и слово самого чего-то. Человек в выборе слова понуждается онтологической необходимостью, он волен сказать или не сказать слова, вызвав или не вызвав тем самым идею, но раз она вызвана к сознанию, он уже не властен ее изменить, а может только исказить ее в осуществлении. Вещи сами свидетельствуют о себе в словах, пробуждают через них свои соответственные идеи. Слова содержат энергию мира, действия мира в нас. Словотворчество только по форме существования кажется процессом субъективным, индивидуальным, психологическим, на самом же деле он космичен. Когда человек говорит, то слово принадлежит ему как микрокосму и как макрокосму, как интегральной части мира. Слово есть удивительное соединение космического слова самих вещей и человеческого о них слова, притом таким образом, что то и другое сращены в единое целое [1, с. 19–27]. Таковы основные положения концепции С. Н. Булгакова об онтологической сущности слова.

Развивая их, он вслед за П. А. Флоренским говорит о символической природе слова. Природа слова символична, слова суть символы, поэтому философия слова вводится им в состав символического мировоззрения. В символе происходит сращение идеального и материального, космического и элементарного, символы – носители силы, конденсаторы и приемники мировой энергии. Освобождаемая из космического бытия мысль, его идея тут же облекается в слова, в иероглиф мира, его словесный микрокосм, ведя в нем свое дальнейшее существование. Слова являются живыми и действенными символами вещей, в каком-то смысле – даже самими вещами как их смыслами [1, с. 28].

Но как происходит рождение звуковых символов смысла? В этом вопросе С. Н. Булгакову видится изначальная тайна слова. Пытаясь понять ее, он приходит к выводу, что слова рождают сами себя, идея сама сращивается со звуковым символом, и таким образом смысл воплощается в звуки. Звуки создают для себя органы в человеке, чтобы вписать в нем все мироздание. Иными словами, космичность, символическое значение с тем именно и связаны, что слова не изобретаются, но возникают как силы природы, которые себя проявляют или осуществляют. То, что мы постоянно создаем слова и что наша речь, как и история языка, есть непрестанное словотворчество, не опровергает того факта, что в каждом языке существует некоторая первичная данность определенного количества первых слов, или корней. И вот эти-то первые слова суть живые словесные мифы о космосе. Они сами себя создали, в них закрепляются космические события, и изначальное словотворчество есть космическое мифотворчество, космическая радуга смыслов, словесная символика. Миф не создается и не измышляется, он дается, и на основе его дальнейшей логической переработки создаются наши новые представления и понятия [1, с. 30–32].

Чтобы рельефнее выразить мысль о том, в каком смысле слова сами себя рождают, С. Н. Булгаков сопоставляет ее с имеющимися теориями происхождения языка. Он справедливо отмечает, что эти теории лишь указывают частные причины естественного, эволюционного развития и возникновения языка и не отвечают на вопрос, как появляется слово из не-слова, или как появляется первое слово. Но верно ли его воззрение, что первослова суть космические символы или мифы, сами себя возвещающие? В ответе на этот вопрос особую остроту получает проблема многоязычия. Почему один и тот же единый смысл получает различное звуковое воплощение? С. Н. Булгаков предполагает, что есть такая преломляющая среда, которая множит звуковую отдачу единого смысла. На смысловую сторону слова это «вавилонское смешение» языков не распространяется. Многоязычие не отменяет единства внутреннего языка, оно относится «не к внутреннему языку, не к ноумену его, но к его феноменальному воплощению, к его реализации, индивидуальности». Язык в этом смысле есть явление социально-историческое. Основа же языка остается космической, или антропологической, а его реализация в наречии есть дело социально-исторического творчества [1, с. 33–37].

Однако такое толкование не дает положительного ответа на вопрос, как все-таки понять множественность наречий, если сращение идеи со смыслом есть необходимое условие для возникновения слова как символа. И здесь С. Н. Булгаков интуитивно прозревает в самом общем плане ответ на этот вопрос: постулирует наличие некоторого мета-слова, его ноумена, который выявляется в звуковой оболочке. Эти звуковые оболочки в своей совокупности и образуют язык, его организм так, что и в каждом отдельном слове проявляется весь язык. Сами языки суть как бы различно настроенные резонаторы, которые по-разному вибрируют на волны мета-слова. «Определить, уловить это различие, – отмечает С. Н. Булгаков, – трудность невероятная; мы сейчас не умеем даже к этому подойти, однако непосредственное чувство свидетельствует, что это различие есть, и радуга языков, представляющая собой разложение белого луча, естественного языка, подлинного языка мира, для каждого языка имеет в своем спектре луч определенной окраски и значения. Все языки естественны, связаны с языком вещей, но каждый по-своему и в разном» [1, с. 37].

В чем С. Н. Булгаков видит различие между словом и именем? По сути, справедливо полагает он, всякое слово есть имя. Процесс познания есть именование, в котором идея, срастаясь с субъектом, дает имя. В зависимости от характера сращения – тесное и постоянное или же временное и преходящее – мы различаем собственные и нарицательные имена. Граница между этими именами подвижна. Для С. Н. Булгакова вопрос об отличии собственных и нарицательных имен имеет первостепенное значение для философии имени. Признавая бесспорным факт, что всякое имя в своем возникновении есть слово, он подчеркивает индивидуальность, единичность имени собственного. Имя собственное «есть сила, корень индивидуального бытия, по отношению к которому носителем, землею или почвой является именуемый, и для него именование имеет поэтому фатальный, определяющий характер». Имя есть идея человека [1, с. 130].

«Собственность собственного имени» для мыслителя заключается не в особой природе самого имени, здесь оно соответствует слову, а в более «крепком клее связки» с именуемым. Имя – это сила, семя, энергия, которые формуют, изнутри определяют своего носителя. Имя выражает собой духовный тип, строение, разновидность человека, выступает своеобразной естественной классификацией человеческого рода, который по именам распадается на семейства и группы. Как идея имя осуществляется во многих феноменальных экземплярах [1, с. 130–131]. Оставляя в стороне рассуждения С. Н. Булгакова о свободе и необходимости, случайности и произвольности в выборе личных имен, переименовании, псевдонимности, обратимся к противоречию, с которым он неизбежно должен был столкнуться: единичность имени и множественность личностей, обозначаемых одним и тем же именем.

Это противоречие философ пытается разрешить следующим образом. Имя есть индивидуально-реальное в человеке, но вместе с тем оно идеально, всеобще в отношении ко всему ему причастному. Характер отношения между именем и его носителем есть только причастность, природная основа, на которую падает имя. Поэтому абсолютных соответствий имени и носителя, адекватности имени и «материи» именуемого, нет и быть не может. Имя определяет бытие его носителя, но только в его состоянии, но не в сущности. Человек облекается в имя, подобно тому, как он облекается в плоть. Данное человеку имя становится как бы идеальной плотью, образом воплощения определенного духа, который обречен устраиваться в этом имени, жить в нем, развивать его тему. Имя есть выражение бытийной сущности человека, это идея, ставшая реальностью, точка в космосе [1, с. 138].

Одним из аргументов в пользу сочетания в имени единичности и множественности является развиваемое С. Н. Булгаковым несколько ранее положение о свободе и необходимости в выборе имен. Здесь он утверждает связь выбора имени человека с традициями его рода, отражение в индивидуальном имени родовых и общественных закономерностей. Каждый человек есть одновременно индивид и вид, свобода и закономерность, само именование человека поддается статистическим закономерностям [1, с. 136–137].

Будучи глубоко верующим христианином, С. Н. Булгаков прибегает к авторитету Бога и Библии, сближая именование с воплощением Слова, с боговоплощением, «ибо на это дерзновение» побуждает его вера «в воплощение Слова, которое предполагает, а вместе и постулирует воплощение слов». Образ и подобие Божие в человеке предполагают полное человеческое богоподобие,

в частности, и в том, что касается именованья как воплощения имени. В софийном порядке человек – это воплощенное слово, осуществленное имя, поскольку сам Господь есть воплощенное Слово и Имя. Имена человеческие вечны – «радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» [1, с. 144–145].

В имяславских и имяборческих спорах о сущности имени Божьего С. Н. Булгаков оказывается на стороне имяславцев. Он признает за божественными именами статус божественных энергий, которые проявляют себя в человеке через именование. Тем самым Бог, открываясь в мире через человека, именуется себя, хотя и его устами. Именование есть действие Божие в человеке, проявление энергии Божьей. Эта божественная энергия, воплощенная в имени, имеет объективную, онтологическую основу в образе и подобии Божиим в человеке. Действуя в человеке, энергия имени Бога соединяется с человеческой, воплощается в ней, и получается нераздельное соединение силы Божьей и действия человеческого, причем последнее является как бы носителем для силы Божией [1, с. 147–148].

Рассматривать имена Божьи как чисто человеческое создание, как клички, изобретаемые человеком, по мнению С. Н. Булгакова, это не только не понимать природу имени, но и совершать величайшее кощунство. Он упрекает имяборцев в беспомощности, с которой те пытаются согласовать свое психологическое понимание природы слова и имени с благоговейным отношением к имени Иисуса Христа, вынуждаемые их православным чувством. Имяборцы все время путаются между пониманием имени Бога как условных букв и звуков и благоговейным отношением к нему в силу его святости. При этом, отмечает философ, они не делают даже попыток для выяснения мотивов этой святости [1, с. 148].

Вопрос об именах Божьих и смысле их почитания С. Н. Булгаков связывает с проблемой иконы с изображением Бога. При этом основанием для разрешения последней он считает природу имени Божьего: имя имеет божественную энергию и онтологическую основу в образе и подобии Божьем в человеке. Образ и подобие выступают реальной основой всякой иконности, осуществляемой человеком. Икона двуедина, богочеловечна, она не может отождествляться с изображаемым, но не может быть и отделена от него. Иконность в иконе, ее божественная энергия наиболее бесспорно проявляется не в изображении, не в портретном сходстве (что и невозможно для Бога-Отца и Бога-Духа), а в ее надписании, имени как средоточии воплощения слова, богооткровения. «Вся икона, – пишет С. Н. Булгаков, – есть разросшееся имя, которое облекается не только в звуки слова, но и в разные вспомогательные средства – краски, формы, образы: изображение в иконе есть иероглиф имени, который поэтому и должен быть определенно стилизован по подлиннику, и он получает значение иероглифической азбуки священных имен» [1, с. 148].

Без имени, вне надписания, вне иероглифичности икона была бы совершенно невозможна, утверждает философ, подкрепляя свою мысль постановлением VII Вселенского собора: «икона подобна первообразу не по существу, а только по названию и по положению изображенных членов». Икону делает иконой не живописное качество рисунка или портретное сходство, но наименование, которое делается в виде надписи. Имя есть та сущность, та энергия, которая распространяется и на икону. И таким образом, заключает С. Н. Булгаков, «если имя Божие есть в известном смысле словесная икона Божества, то и, наоборот, настоящая икона Божества есть Его Имя» [1, с. 149–150].

Не вдаваясь в подробности дальнейших споров С. Н. Булгакова с имяборцами, отметим только два существенных для этих споров момента. Первый заключается в том, что философ в качестве аргумента против оппонентов привлекает религиозный авторитет имени Бога, так как оно есть средство его молитвенного призывания. И в этом качестве оно выступает лестницей, соединяющей небо и землю: человек призывает, а Бог слышит в этом призыве Свое Имя. В этом видится мыслителю «сила, святость, тайна и трепетный ужас Имени Божия». В Имени Своем сам Бог является человеку, который предстает перед ним в своей молитве [1, с. 154].

Второй момент связан с различием С. Н. Булгаковым имени Бога как общей категории, охватывающей собой многие имена, и «собственного» Имени Бога как субъекта. Имя в первом случае выступает в качестве предиката, оно антропоморфно в том смысле, что человек в себе и через себя, как макрокосм и микрокосм, познает существо Божие. В качестве предикатов таких имен может быть множество: Господь, Саваоф, Адонай, Творец, Промыслитель, Отец – все они имеют

и человеческие значения, а именованьями Божиими становятся через отнесенность к Божеству как подлежащему, т. е. как к субъекту. Собственное же имя не может быть предикатом, сказуемым, но только подлежащим, субъектом. И как собственное имя человека есть его я, «так же и имя Божие есть Я Божие, страшное и чудное» [1, с. 155].

Страх, ужас, страшное имя – предикаты, которые С. Н. Булгаков использует для характеристики этого собственного имени Бога. Чем вызваны такие характеристики? Прямых указаний на это в тексте работы как будто нет, если не считать упоминания, что в Имени Божиим «звучат для нас грома и сверкают молнии Синая» [1, с. 154]. Не исключено, что эти предикаты имени навеяны «Откровением» Иоанна Богослова, вот этой его частью: «И увидел я отверстое небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует. Очи у него как пламень огненный, и на голове его много диадим. Он имел имя написанное, которое никто не знал, кроме Его Самого. Он был облечен в одежду, обагренную кровью. Имя Ему: «Слово Божие». И воинства небесные следовали за Ним на конях белых, облеченные в виссон белый и чистый. Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным; Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя» [Откр 19, 11–15]. Безусловно, изображенные здесь деяния всадника на белом коне способны вызвать у религиозного сознания священный страх, ужас и трепет. Можно предположить, что религиозный страх и ужас может вызываться и тем, что имя всадника известно только ему самому.

Вероятно, в силу священного страха и ужаса перед этим именем и его носителем философ полагает «дерзновенным ставить вопрос о том, каково это имя и единственное ли оно». Для мыслителя лишь совершенно очевидно, «что такое имя, собственное Имя Божие», или хотя бы один из бесконечных покровов этого страшного имени, может быть сообщено человеку только откровением. Притом это будет откровение в собственном смысле, когда трансцендентное (имя Бога) проявляется в имманентном, внутреннем (в конкретном человеке). С. Н. Булгаков понимает всю сложность такого процесса и его опасность для человека, поскольку трансцендентное может разрушить имманентное, разорвать его на части ввиду исключительного присутствия силы Божьей в открываемом имени. Он считает, что безопасным мостом в этом случае может послужить слово-имя, логос в человеке. Звуковая личина слова предохранит человека от «ослепления и попаления» [1, с. 155–156].

Но что тогда представляет собой имя Иисус Христос – богочеловеческое имя-предикат или имя собственное Бога, «страшное и чудное»? Этот вопрос напрашивается сам собой, поэтому С. Н. Булгаков пытается его разрешить в рамках сохранения христианских догматов. В сжатом виде суть его рассуждений сводится к следующему. В Иисусе Христе нераздельно соединились две сущности, две ипостаси – совершенный человек и истинный Бог. Единство же ипостаси означает и единство имени, в котором выражается индивидуальное бытие, личность. По смыслу основных христианских догматических определений, отмечает философ, имя Иисуса Христа принадлежит обоим сущностям. Оно есть одновременно Имя Бога и Человека в их единстве. Притом Имя Иисус Христос выступает для мыслителя в этом единстве как то «страшное и чудное» собственное Имя Божества, о котором он говорил ранее. «Как это возможно?» – вопрошает С. Н. Булгаков, понимая уязвимость такой позиции по отношению ко всем предыдущим его рассуждениям. Ответ прост: это есть непостижимая тайна боговоплощения и вместе с этим также и непостижимая тайна Имени Богочеловека [1, с. 163].

Тем не менее С. Н. Булгаков пытается подступиться к раскрытию этой тайны, к ее хотя бы ближайшему пониманию. Во-первых, размышляет он, Имя Богочеловека не может иметь только временное значение для земного лишь существования, поскольку оно связано с единством Его ипостаси. Во-вторых, наречение имени Иисус совершается не человеком, но Ангелом, посланным Богом, т. е. фактически самим Богом. В-третьих, имя родилось прежде своего обладателя, оно предшествовало зачатию и рождению Иисуса. Следовательно, это имя Богочеловека и не рождалось, оно предвечно есть в Боге. И, наконец, Имя Иисуса как имя собственное, как Имя Божие является таковым по нераздельности и единству всей Святой Троицы – Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Духа [1, с. 164–165].

В связи с последним аргументом С. Н. Булгакова сам собой вырастает очень сложный вопрос: а как быть с именами Бога-Отца и Бога-Духа? Может быть, в силу нераздельности Святой Троицы они также носят имя Иисуса Христа или у них есть свои Имена? А может быть, у них вообще нет имен? Философ не формулирует эти вопросы, но они стоят перед ним в силу своей очевидности. Вероятно, и эти сами собой возникающие «дерзновенные» вопросы вызывают у глубоко верующего христианина «страх и ужас» перед именем Божьим.

В конечном итоге С. Н. Булгаков вынужден признать, что Имя Божие, именование и самоименование Бога, есть для нас неведомая тайна. Это тайна возникает для ума в том смысле, что он упирается здесь в некоторый исходный, первичный факт, далее не дедуцируемый. Поэтому перед тайной самоименования мы можем только молитвенно безмолвствовать, хотя эта тайна и явлена, и засвидетельствована именем Иисуса. Но даже в своей явленности тайна эта до конца не раскрыта, поскольку, вероятно, Иисус есть не единственное Имя Богочеловека. Философ полагает, что «мыслимо еще раскрытие Его Имени нового, о чем прямо и говорит Апокалипсис», и это «должно явиться величайшим религиозным событием, раскрытием тайны, новым откровением», как это и изображается в Апокалипсисе [1, с. 165].

Таким образом, важнейшей составной частью философии имени С. Н. Булгакова является понимание им слова, имени как энергетической сущности, имеющей космический статус. Имя (язык, слово) рассматривается им в максимально широком контексте – Бог, человек, мир – как необходимый элемент теoантропокосмической реальности, что во многом предвосхитило идеи современной научной мысли. Особое место в философии имени С. Н. Булгакова занимает статус имени Бога, который он решает в традициях православной религиозно-философской мысли.

Литература

1. Булгаков, С. Н. Философия имени / С. Н. Булгаков // Философия имени. Икона и иконопочитание: Сочинения: в 2 т. – Т. 2. – М.: Искусство; СПб.: Инапресс, 1999. – С. 13–240.
2. Гируцкий, А. А. Наука и религия / А. А. Гируцкий, Р. М. Новрузов // Наука и религия: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 416 с.
3. Лосев, А. Ф. Бытие – имя – космос / А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1993. – 958 с.
4. Флоренский, П. А. Имена / П. А. Флоренский. – М.: Купина, 1993. – 319 с.

A. A. GIRUTSKIY

PHILOSOPHY OF THE NAME IN THE S. N. BULGAKOV'S TREATMENT

Summary

Article deals with Bulgakov's philosophy of name. Its essence is the awareness of word, name, as an energy entity which has a space status.

Name (word, language) has been presented in his concept in the broadest possible context such as God, man, world. It acts as a necessary element of theo-anthropological and Space reality having a largely anticipated the ideas of modern scientific thought.

Status of the God's name occupies a special place in Bulgakov's philosophy of name. The philosopher solves this problem in traditions of the Orthodox religious and philosophical thought.